

Д.Б. Никуличева

ПЕРЦЕПЦИЯ ВРЕМЕНИ И ЕЕ КОРРЕЛЯЦИЯ С ТЕМПОРАЛЬНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ ЯЗЫКА

В статье рассматривается то, как интероцепция autobiографического времени соотносится с его художественной метафоризацией и с языковыми категориями вида и времени в русском и английском языках.

Ключевые слова: перцепция времени; autobiographical time by время человека; ассоциированное и диссоциированное представление времени; индивидуальная интероCEPTION времени; грамматическая категоризация темпоральных смыслов.

The article discusses interoception of the autobiographic time by individuals and its correlation with literary metaphorization and linguistic categorization of aspect and tense in both English and Russian.

Keywords: time perception; autobiographical time; associated and disassociated time; individual time interoception; grammatical categorization of aspectual and temporal meanings.

«Слово *время* – это человеческий концепт, отчасти характеризующийся корреляцией событий и отчасти метафорой», – писали стоявшие у истоков теории воплощенного значения Дж. Лакофф и М. Джонсон [Lakoff, Johnson, 1999, p. 167]. Так можно ли вообще говорить о перцепции времени? Ответ на поставленный вопрос зависит от трактовки самого термина «перцепция», а здесь имеются существенные разнотечения.

Ответ будет отрицательным, если приравнивать перцепцию к восприятию, определяемому как «целостное отражение предметов, ситуаций и событий, возникающих при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверх-

ности органов чувств» [Электронный психологический словарь], поскольку у человека в принципе отсутствуют органы чувств, которыми воспринималось бы течение времени. Однако ответ будет утвердительным, если определять перцепцию, как это предлагается в другой словарной статье этого же словаря, как «процесс непосредственного активного отражения когнитивной сферой человека внешних и внутренних предметов (объектов), ситуаций, событий, явлений т.п.» [Электронный психологический словарь]. Последнее понимание согласуется и с формулировкой, предлагаемой в Большом психологическом словаре [Мещеряков, Зинченко, 2009], где восприятие (перцепция) определяется не только как «субъективный образ предмета, явления или процесса, непосредственно воздействующего на систему анализаторов», но и как «сложный психофизиологический процесс формирования перцептивного образа»¹. Такое расширенное понимание перцепции предполагает возможность когнитивного освоения человеком своих внутренних представлений и ощущений, к числу которых и относятся представления о времени.

Обращаясь к представлению времени через корреляцию событий, следует обратить внимание на различие моделей концептуализации в зависимости от «точки отсчета», за которую принимается либо космоцентрический, либо антропоцентрический взгляд на время. Корреляция событий, связанных со сменой времен года, времени суток, сельскохозяйственных циклов, морских приливов и отливов, с наблюдаемым движением солнца, планет и созвездий по небу – все это напрямую связано с космоцентрическим взглядом на время, основанном на визуальном наблюдении цикличности происходящих изменений внешнего мира. Закономерным ее отражением в истории изобразительного искусства был зодиакальный круг, колесо, как атрибут изображения времени. При космоцентрическом понимании время воспринималось как внешняя сила, управляющая судьбой человека, и закономерно подвергалось персонификации. Однако, как показывает исследование, посвященное отражению концептуальной метафоры времени в изобразительном искусстве [Егорова, Путятин, 2010], для античного представления о времени была характерна персонификация абстрактного, циклического времени не только как величественного и неумолимого старца Хроноса (*Χρόνος*), но и как Кайроса (*καιρός*),

¹ Цит. по: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/03.php

божества благоприятного момента – времени, подходящего для тех или иных действий человека. В отличие от старца Хроноса, Кайрос изображался в виде стремительного молодого мужчины с двумя парами крыльев – за плечами и на пятках, а также с прядью волос на лысом черепе, за который люди могли «поймать» благоприятный момент.

С эпохи Возрождения, сделавшей человека мерой всех вещей, антропоцентрический взгляд на время еще более усиливается. С одной стороны, время превращается в объект человеческого обладания. Впервые эта мысль была высказана в середине XV в. крупнейшим гуманистом итальянского Возрождения, архитектором и теоретиком искусства, Леоном Баттистой Альберти, писавшим: «Три вещи принадлежат человеку: душа, тело и время (*anima, согро е tempo*)», а также: «Кто умеет распоряжаться временем, тот может практически все»¹ [Егорова, Путятин со ссылкой на: Любинская, Лепилин, 2002, с. 79].

С другой стороны, с развитием технологической цивилизации время все больше воспринимается как своеобразный квазипространственный объект – особое «временное пространство» существования человека, четвертое измерение нашего трехмерного бытия. При антропоцентрическом подходе мерилом становится конечность земного человеческого бытия, его ограниченность точками рождения и смерти. А две точки закономерно предполагают соединяющую их линию. Для лингвиста, исследующего темпоральную категоризацию, особый интерес представляет именно антропоцентрический взгляд на время, поскольку время в языке призвано ориентировать события относительно «человека говорящего».

Закономерными метафорическими отражениями линейного представления времени служат такие хорошо описанные в теории воплощенного значения концептуальные метафоры, как *река времени* или же *время как путь, дорога, колея*. Однако обращение к метафоре при осмыслиении антропоцентрического времени не снимает вопроса о том, какие механизмы человеческого сознания позволяют любому из нас организовывать в своем ментальном пространстве представления о временной корреляции событий своей жизни, их длительности и скорости протекания и ориентироваться в их последовательности и сопряженности.

¹ Цит. по: http://www.chronos.msu.ru/old/biographies/lubinskaya_alberti.html

Лежащим на поверхности будет ответ: память. Все мы можем вспомнить некоторые визуальные «сцены» событий из своего прошлого (в психологии это называется «ретроспекция») и даже визуально представить себе предполагаемое развитие некоторых событий в будущем, что по аналогии можно обозначить как «пропроспекция». И в том и в другом случае речь идет об «инteroцепции» времени – внутреннем представлении когда-то увиденных или же воображаемых визуальных образов, связанных с событиями, относящимися к разным временным эпизодам.

Такой подход позволяет поставить задачу разработки методики, с помощью которой можно эксплицировать внутреннюю организацию временных представлений индивидом. На базе психологических исследований биографического времени человека [Brown, Kulik, 1977; Нуркова, 2000] нами была предложена система параметров, позволяющих регистрировать и сравнивать различия, проявляемые информантами в их внутренних визуальных представлениях, относящихся к разным моментам прошлого, настоящего, будущего, а также к темпоральному представлению ирреальных событий.

Важным параметром является такое инteroцептивное различие, как противопоставление *ассоциированного и диссоциированного* представления автобиографического времени. Ассоциированное представление – это ощущение себя внутри длящегося процесса, как если бы ты сейчас переживал событие заново, а диссоциирование – это видение события будто со стороны, когда наблюдатель из точки своего настоящего видит весь эпизод в его целостности, а самого себя – как одного из участников представляемого прошлого или будущего события.

Для нас особый интерес представляют отмечаемые В.В. Нурковой объективные перцептивные различия между тем, как люди вспоминают «яркие» и «важные» события своей жизни. При отражении «ярких событий» вспоминаемая ситуация «полимодальная с сохранением прошлой “метрики пространства”», «строится как рассказ о картине», «фиксируется максимально подробно в момент совершения события в связи с силой переживания перцептивных и эмоциональных характеристик ситуации», событие «непрерывно (монолитно)», «время конкретно, представлено через изменение пространственных отношений и действия участников»; «временная локализация затруднена»; отмечается «ассоциированность

субъекта с образом памяти». При отражении в автобиографической памяти «важных событий» их перцептивная яркость и насыщенность деталями редуцируются; воспоминания структурируются по принципу «ничего лишнего»; ситуация представляется «в свете наличных (сегодняшних) жизненных смыслов личности» как «взгляд из сегодняшнего дня»; «событие может быть прерывно, т.е. конструироваться из разнесенных по времени фрагментов»; «время представлено абстрактно, изолированно от конкретного содержания событий»; «событие локализуется во времени относительно “цепи событий”»; отмечается «диссоциированность субъекта с образом памяти» (см. табл.: [Нуркова, 2000, с. 129–132]).

Подобная интероцепция носит индивидуально-личностный характер и встречается в рамках одной и той же языковой культуры. Наглядным примером может служить метафоризация времени в речи двух главных героев романа О. Ниффенеггер «Жена путешественника во времени», где герой и героиня последовательно демонстрируют противопоставление диссоциированного (Генри) и ассоциированного (Клэр) представления времени.

Путешественник во времени Генри существует в разных временных точках. Из своего реального настоящего, синхронного настоящему времени его любимой женщины – Клэр, Генри внезапно и неожиданно для себя переносится в какой-то момент прошлого, встречаясь с самим собой в детском возрасте или находя Клэр-девочку или Клэр-подростка (еще до реального знакомства с ней), или же попадает в какой-то момент будущего, где он встречает постаревшую Клэр или свою повзрослевшую дочь (уже после собственной гибели в реальной жизни). Использование в речи Генри объектно-предикативных конструкций, где происходит расщепление «Я» субъекта на перцептора и на грамматический объект восприятия, построенное по модели *I watch myself do something*, является наглядным проявлением диссоциированного восприятия времени в сознании главного героя: ...*suddenly I'm in 1976 watching my thirteen-year-old self mow my grandparents' lawn.* <...> *I find myself in crowds, audiences, mobs.* <...> *I fear finding myself in a prison cell, an elevator full of people, the middle of a highway* [Niffenegger 2004: 3]. «...внезапно я оказываюсь в 1976 г. и **наблюдаю, как я, тринадцатилетний, стригу газон у дома своих родителей.** <...> Я вдруг оказываюсь (букв. **нахожу себя**) в толпе людей. <...> Я боюсь оказаться (букв. **найти себя**) в тюремной камере»...

Ощущение, что он *вне* времени и смотрит на биографические события своей жизни со стороны, преследует Генри постоянно: *I have the feeling, very familiar to me when I am out of time but almost never otherwise, of being buoyed up by time, floating effortlessly on its surface like a fat lady swimmer* [Niffenegger 2004: 502]. «У меня такое чувство сейчас, очень знакомое, когда я **вне времени**, но которого почти никогда нет во времени, как будто время качает меня, без усилий **выталкивает меня на поверхность**, как толстую пловчиху».

Если изобразить подобное развитие сюжета графически, то мы вынуждены будем представить себе столь характерную для представлений Генри линию времени, по отношению к которой он является *отстраненным наблюдателем*.

Рис. 1.
Схема диссоциированного представления
автобиографического времени

Если для Генри сложно удержаться в моменте настоящего («*to stay put, to embrace the present with every cell*»), то его возлюбленная Клэр, наоборот, является собой типичный пример ассоциированной интероцепции времени. Она постоянно живет в состоянии ожидания. В отличие от Генри, то и дело неожиданно исчезающего из реальности, Клэр чувствует себя замкнутой в моменте настоящего. Она физически ощущает длительность, замедленную протяженность каждого момента ожидания: «*Each moment that I wait feels like a year, an eternity. Each moment is as slow and transparent as glass. Through each moment I can see infinite moments lined up, waiting. Why has he gone where I cannot follow?*» [Niffenegger 2004: 1].

«Каждая секунда ожидания кажется мне годом, вечностью. Каждая секунда тянется медленно, прозрачна как стекло. Сквозь каждую секунду вижу бесконечные, вытянутые в прямую линию моменты, это моменты ожидания. Почему он ушел, а я не могу пойти следом?».

Как будто Клэр находится в одной стеклянной капле, сквозь которую ей виден следующий момент ожидания, а сквозь него – еще момент, а за ним еще и еще – череда прозрачных моментов – до бесконечности. Эта вытянутая в линию череда моментов ожидания и создает концептуальную метафору времени Клэр. Какая перцептивная основа может быть у такой метафоры? Ведь линейность идеи времени здесь тоже присутствует (*infinite moments lined up*). Однако позиция наблюдателя здесь совершенно иная. Такая интероцепция времени возможна только тогда, когда субъект ощущает себя *включенным* в каждый момент времени, видит время *изнутри*, как если бы сам находился внутри прозрачной череды моментов ожидания.

При этом важно, что Клэр воспринимает каждый момент ожидания как изолированный от прошлого и от будущего. Это своеобразный «контейнер» настоящего, в пространстве которого она и существует. Не случайно в другом месте романа будущее метафоризируется Клэр так же как своеобразная «емкость»: «*I am afraid of the future; it seems to be a big box waiting for me*» [Niffenegger 2004: 72]. «Я боюсь будущего, оно представляется мне **большой коробкой** с тайнами».

Если попытаться изобразить подобное представление графически, то идея линии будет сохранена, однако позиция наблюдателя будет находиться уже не «вне», а «внутри» линии, *в замкнутом пространстве настоящего времени*, который концептуализируется интероцептором как некий контейнер: «коробка» (*box*), «пузырь» (*bubble*), «сосуд, колба» (*bulb*).

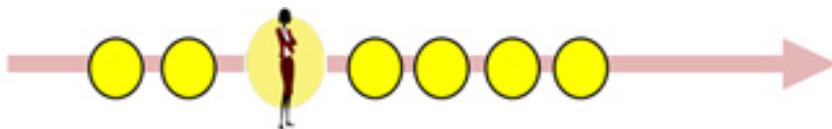

Рис. 2.

Схема ассоциированного представления
автобиографического времени

Таким образом, события по-разному «видятся» индивидом в зависимости от выбора «позиции» интероцепции времени субъектом: либо как ассоциированный с событием взгляд «изнутри», либо как диссоциированный (более дистанцированный) взгляд на событие «извне» – из точки своего настоящего. И здесь мы переходим в область лингвистики, поскольку эти представления, заложенные в когнитивной способности *homo sapiens*, оказываются по-разному организованными в видовременных системах разных языков.

В этом плане можно сопоставить видовременную систему русского глагола с его развитыми видовыми противопоставлениями и систему английского глагола с его нюансированными таксисческими противопоставлениями.

Что касается глагольного вида, то исследователями неоднократно отмечалась перцептивная основа аспектуальных противопоставлений. Не случайно в латыни слово *aspectus*, давшее именование глагольной категории аспекта, имеет значение «взгляд», «взор», «вид», «зрелище». Категория перцептора-наблюдателя имеет принципиальное значение для выделения базового значения русского несовершенного вида, а именно подробно описанного А.В. Бондарко *конкретно-процессного значения НСВ*, которое «предполагает выделение в обозначении действия серединного фиксируемого периода. <...>. В понятие *фиксируемый период* включены два элемента: а) серединная фаза в протекании действия; б) период восприятия данной фазы протекания действия наблюдателем (воспринимающим субъектом). Эти элементы тесно связаны друг с другом: в *протекании процесса выделяется именно тот период, который охватывается наблюдателем*» [Бондарко, 2004, с. 280–281].

В плане исследования перцептивных основ грамматической категоризации аспектуальных смыслов для нас особенно важны наблюдения русистов о том, что мы предлагаем называть *континуум вовлеченностии воспринимающего субъекта в ситуацию*. Так, по наблюдению А.В. Бондарко, «прототип перцептивных высказываний наиболее четко представлен в тех случаях, когда выражается непосредственное восприятие окружающих явлений в момент речи (в ситуации сейчас-здесь-это). <...> В ближайшем окружении “центра прототипичности” находятся высказывания, в которых выражается восприятие, воспроизведенное по памяти. <...>. Реже встречается выражение воображаемого восприятия, отнесенного к

будущему» [Бондарко, 2004, с. 277–288]. По сути дела, речь здесь идет уже не о непосредственной перцепции, но об *интроверцепции* событий прошлого и будущего. Возможность различной степени «дистанцированности пространственно-временной позиции говорящего» в представлении событий формами несовершенного вида отмечают и авторы «Коммуникативной грамматики русского языка»: «События предстают то как актуальные действия, наблюдавшиеся в хронотопе происходящего (*Облокотясь, Татьяна пишет*), то на разных ступенях обобщения – как занятия (*Живу, пишу не для похвал*), как свойства и качества их носителя (*Он по-французски совершенно мог изъясняться и писал*); либо как “вневременные”, генерические признаки обобщенного, родового нереферентного субъекта» [Коммуникативная грамматика русского языка, 2004, с. 411]. Именно тогда появляется явно вторичное значение хабитуального / итеративного / неограниченно кратного несовершенного вида (типа *открывал окно по вечерам*), когда событие, по выражению В.В. Нурковой, «может быть прерывно, т.е. конструироваться из разнесенных по времени фрагментов», что как раз характерно для диссоциированного представления времени. Речь, таким образом, идет о противопоставлении непосредственной перцепции, когда события предстают как «наблюдаемые в хронотопе происходящего», разным типам *когнитивного абстрагирования* «на разных ступенях обобщения», которые последовательно «дистанцируют» говорящего от происходящего.

В отличие от исходно перцептивной категории несовершенного вида, обслуживающей представление о длящемся процессе в русском языке, категория английского прогрессива, выражаясь формами парадигматического ряда *Continuous*, имеет иную перцептивную природу. Английская категория длительного вида является исторически более поздней (складывалась с XVI до XVIII в.) по отношению к категории перфекта (сложилась к XIII в.). Эволюция видовременной системы шла по линии приоритетного усложнения передачи хронологических отношений между действиями за счет временной локализации событий не только относительно говорящего (момента речи), но и относительно других событий (ситуативных моментов). Этот процесс нашел отражение в формировании относительных времен со значением предшествования (перфект, плюсквамперфект, будущее предварительное), а также категории согласования времен в системе реалиса

и ирреалиса. Интероцептивный механизм процесса, когда «событие локализуется во времени относительно “цепи событий”» [Нуркова, 2000], закономерно предполагает взгляд наблюдателя-говорящего на ситуацию *извне* ее, т.е. его диссоциацию. Точно так же английский прогрессив выражает не «серединный фиксируемый наблюдателем период протекания действия», как русский несовершенный вид [Бондарко, 2004, с. 280], а «наложение длящегося процесса на событие-ориентир» [Никуличева, 2008, с. 81]. Это различие в конечном счете и предопределяет несовпадение в объеме семантических функций русского несовершенного вида и английского прогрессива, а также взаимные сложности в их использовании носителями русского и английского языков.

Дистанцированный (диссоциированный) взгляд на линейную локализацию событий во времени, таким образом, становится конституирующими для всей системы видовременных оппозиций английского языка в отличие от видовременной системы русского языка, изначально ориентированной на ассоциированную перцепцию событий наблюдателем-говорящим.

Основная часть данной статьи была, таким образом, посвящена обсуждению того, как интероцептивные представления, заложенные в когнитивной способности *homo sapiens*, оказываются по-разному организованными в видовременных системах разных языков. Продолжением темы может стать противоположно направленное исследование. А именно то, влияет ли, и каким образом, общая для всех носителей одного и того же языка видовременная система на множество индивидуальных представлений времени отдельными носителями соответствующего языка.

Ответ на поставленный вопрос дают две серии психолингвистических экспериментов по исследованию биографического времени носителей английского языка, проведенные нами в 2006 и 2010 г. Результаты первого были опубликованы [Никуличева, 2007], а результаты второго еще ждут своей публикации.

На базе психологических исследований биографического времени человека нами была предложена система параметров, позволяющих регистрировать и сравнивать различия, проявляемые информантами в их внутренних визуальных представлениях, относящихся к разным моментам прошлого, настоящего и будущего. Опора при анализе результатов на гештальтпринципы упорядочивания восприятия [Koffka, 1935] позволила нам установить некоторые

важные дистинкции в пространственной локализации различных эпизодов, относящихся к биографическому времени личности.

Важнейшим наблюдением является то, что практически никогда внутренние визуализации эпизодов обследованных информантов не складывались в одну прямую линию, как можно было бы ожидать, исходя из метафоры антропоцентрического времени как реки или дороги. Чаще всего вспоминаемые эпизоды формировали ряд односторонних или разнонаправленных векторов, противопоставляющих прошлые события событиям далекого прошлого (детство) и событиям актуального прошлого, настоящего, обозримого и далекого будущего. А это, в свою очередь, позволяет предположить, что в сознании индивида еще довербально присутствуют представления о темпоральных категориях, нюансирующих грамматические временные смыслы. Таким образом, встает вопрос об экспериментальном выявлении и систематизации тех перцептивных эталонов, которые грамматическая система определенного языка накладывает на восприятие индивида, принадлежащего данной лингвокультуре.

Дальнейшая задача исследования состоит в том, чтобы соотнести полученные результаты со структурой грамматических темпоральных оппозиций, представленных в различных языках, и отметить те интероценттивные особенности, которые коррелируют с категориальными смыслами, вербализованными в родном языке информанта, и отличаются от внутренних представлений информантов, принадлежащих к иной языковой культуре. Полученные результаты дадут возможность приблизиться к пониманию механизмов человеческого сознания, связующих перцептивные процессы с языковой когницией.

Список литературы

1. Бондарко А.В. К вопросу о перцептивности // Сокровенные смыслы: Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М., 2004. – С. 276–282.
2. Егорова А.В., Путятин И.Е. Визуализация представлений о времени, лежащих в основе онтологической метафоры «Время – живое существо» // Вестн. ЦМО МГУ, Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – М., 2010. – № 3. – С. 55–62.

3. Егорова А.В., Путятин И.Е. Образ времени в языковой концептуальной метафоре и в изобразительном искусстве. – Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/egorova_obraz.pdf
4. Золотова Г.А., Онисенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Ин-т рус. яз. РАН, Филол. фак. МГУ, 2004. – 540 с.
5. Любинская Л.Н., Лепилин С.В. Философские проблемы времени в контексте междисциплинарных исследований. – М., 2002. – 304 с.
6. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. – М.: АСТ, 2009. – 672 с.
7. Никуличева Д.Б. О перцептивных основах категоризации видо-временных значений в английском и датском языках // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика: Сборник статей к юбилею О.А. Смирницкой. – М.: Издат. центр МГУ, 2008. – С. 76–103.
8. Никуличева Д.Б. Эксперимент по выявлению перцептивных основ грамматической категоризации времени: (На материале сопоставления русского и английского языков) // Вопр. психолингвистики. – М., 2007. – № 6. – С. 91–105. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=13504049>
9. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 320 с.
10. Brown R., Kulik J. Flashbulb memories // Cognition. – 1977. – N 5. – P. 73–99.
11. Koffka K. Principles of Gestalt psychology. – L.: Lund Humphries, 1935. – 732 p.
12. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought. – N.Y.: Basic books, 1999. – 640 p.
13. Восприятие // Электронный психологический словарь. – Режим доступа: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=157>
14. Электронный психологический словарь. – Режим доступа: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=653>
15. Мещеряков Б., Зинченко В. Большой психологический словарь. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/03.php